

Комната погрузилась в тишину, в которой отчетливо слышалось лишь тихое размеренное дыхание двоих. Тан Уянь лежал на мягкой подушке, и на душе у него было удивительно спокойно — всё оттого, что за спиной находился человек, и этим человеком был он.

Познакомившись с кем-то, нельзя заглянуть ему в душу. Спустя столько лет они вновь встретились, и Тан Уянь не мог объяснить, почему продолжает верить, что этот парень остался прежним озорным малым, что его истинная сущность не изменилась.

Те, кто порой с головой увязает в трясине, поначалу ничего не замечают, а когда спохватываются — уже поздно, засосало так, что не вырваться.

Они спали на одном ложе, но не было в этом никакой пошлости — лишь одно умиротворение.

Тепло одеяла согревало тело, и Тан Уянь, от природы страдавший чутким сном, на этот раз провел ночь на удивление хорошо.

Голубь с привязанным к лапке посланием, взмахнув крыльями, выпорхнул из окна.

Тан Уянь как раз ароматизировал комнату. Старинная и изящная курильница из красной меди источала тонкий дымок: бросив туда записку и накрыв крышкой, он наблюдал за легкими, струящимися завитушками благовоний. Окинув взглядом помещение, он сквозь легкую дымку почувствовал, что всё вокруг кажется каким-то нереальным.

Вся комнатка была оформлена изысканно, но просто: в передней стоял лишь трехногий стол, покрытый лучшей парчой, на котором покоился изящный чайный сервиз. От жилой зоны переднюю комнату отделяли резные деревянные решетки с узорами по бокам, у стены стоял книжный шкаф. За ширмой скрывалось бамбуковое ложе — изначально здесь собирались поставить широкую кровать, но Тан Уянь не позволил. В их с братом тесном домишке всегда стояли лишь такие вот маленькие бамбуковые топчаны.

Нынешнее ложе в комнате оказалось куда шире тех двух, вместе взятых, да и сам дом шёл в абсолютно иное сравнение с тем, что осталось в крепости клана Тан.

Впрочем, разве можно сравнивать крошечную бамбуковую хижину и роскошное поместье?

Тан Юй только взял в руки свиток и уселся на краю ложа, как дверь грубо распахнули.

— Сяо Юй!

Голос прозвучал звонко и гулко. Тан Юй продолжал смотреть в свиток, даже не подняв век, и равнодушно произнес:

— Чжэн Вэнью, помнишь, что я говорил в прошлый раз? Каковы будут последствия, если ты снова вот так ворвешься?

Чжэн Вэнью опешил, опустил взгляд на собственные ноги и, сообразив, что еще не переступил порог, попятно затворил дверь. Затем постучал, кашлянул, прочищая горло:

— Сяо Юй, я стучу. Я захожу.

Дождавшись стука, Чжэн Вэнью даже не стал ждать ответа Тан Юя и самовольно шагнул внутрь. Тан Юй молча посмотрел на него: совести тому было не занимать, вел себя нагло и уверенно:

— Я постучал, так что это не называется врываться напролом.

— Иметь такого сына — поистине тяжелое испытание для твоего отца. Твоя верхняя одежда вся в пыли, только попробуй испачкать мне комнату.

Чжэн Вэнью хмыкнул, сбросил верхнее халатец в сторону — на нем и правда осела грязь. Даже простое одеяние не могло скрыть его крепкого, ладного телосложения: нижняя сорочка плотно облегала фигуру, выдавая не столько полноту, сколько мощную силу.

— Только что заглянул ненадолго в лагерь, а оттуда сразу к тебе — соскучился ведь.

Чжэн Вэнью тоже примостился на бамбуковом ложе и взял Тан Юя за руку. Тот поморщился от того, что ему мешают читать, и попытался высвободить пальцы, но Чжэн Вэнью лишь крепче сжал его руку, слегка поглаживая:

— Тут слуга передал, что Хун-эр снова потрепала тебе нервы?

Тан Юй холодно фыркнул:

— То, что твоя благоверная терпеть меня не может, началось не вчера и не сегодня, ничего особенного. А вот слугам твоим лучше не докладывать ей о каждом пустяке, я тебе не кисейная барышня, которую нужно спасать от невзгод.

Чжэн Вэнью не согласился:

— Разве я не боюсь, что тебя обидят?

Тан Юй наконец отложил свиток и приподнял брови, глядя на Чжэн Вэнью. Его персиковые глаза с чуть изогнутыми уголками выглядели невероятно притягательно.

— Что, думаешь рассказать ему — и сможешь заступиться за меня? Смеешь ты развестись с ней или лишить статуса жены?

— Я... — Чжэн Вэнью сбился с толку, и тот крошечный пыл, что только что разгорелся при виде лица Тан Юя, мгновенно угас, словно окатил ледяной водой. На душе у него тоже скребли кошки, и он притянул Тан Юя к себе в объятия. — Ты же знаешь, я непутёвый. Ее семья очень сильно помогает моему отцу, и всё, на что я гожусь — это вот такой политический брак.

Тан Юй прижался к его груди, пару раз хмыкнув, но воздержался от оценок.

Чжэн Вэнью не любил Фэн Хун, но вынужден был взять ее в жены. В глазах собственного отца он ценился куда меньше, чем эта польза от брака, и для мужчины подобное положение дел было поистине унижительным.

— Не бойся, помимо боевых искусств я изучаю и военное дело, обязательно добьюсь успеха. Семья Фэн — лишь ступенька для отца. Как только отец достигнет своей цели, а я встану на ноги, я найду для Хун-эр другой дом. В конце концов, муж и жена мы только на бумаге, так что перед ней я чист. Отец высоко ценит твои таланты, к тому же времени я смогу прикрыть тебя, и нам не страшны будут любые сплетни.

Ах, Чжэн Вэнью, Чжэн Вэнью! Назвать ли тебя наивным или просто глупым? Тан Юй беспомощно вздохнул, протянул руку, легко похлопал его по щеке и выронил всего два слова:

— Дурачок.

Услышав в свой адрес такое, Чжэн Вэнью не рассердился, а лишь рассмеялся, сильнее прижимая к себе Тан Юя и ластясь к нему.

— Кстати, Сяо Юй, как там поручение, которое дал тебе отец?

Тан Юй усмехнулся, и его бледные, изящные пальцы скользнули по затылку Чжэн Вэнью, поправляя его хвост из волос.

— Всё идет строго по моему плану. Передай отцу: пройдет совсем немного времени, и весть разойдется повсюду. Те люди уже прибыли на Заставу Букун.

Чжэн Вэнью тут же шумно чмокнул Тан Юя в щеку:

— Знать бы мне, что мой Сяо Юй — самый толковый!

Такая похвала пришлась по душе, Тан Юй с удовольствием ее принял и наградил в ответ страстным поцелуем. Выскользнув из его объятий, он полулежа примостился на ложе и

недвусмысленно выставил гостя за дверь:

— Я устал, хочу отдохнуть, иди займись своими делами.

Тонкая парча обтягивала изящные линии тела Тан Юя: он был не просто тоньше большинства мужчин, но и куда изящнее сложен. Зрелище отдыхающей на ложе красоты разожгло в Чжэн Вэнью внутренний огонь, во рту пересохло.

Если и искать у него достоинства, то помимо человеческой внешности, дела он решал достаточно решительно.

Поэтому последовал закономерный бросок.

— Я сейчас хочу кое-кого другого! Совсем не до отдыха!

— Совсем с ума сошел! — Тан Юй попытался подскочить, но его прижали так, что не удавалось даже шевельнуться, и в отчаянии он просто замахнулся ногой. — От тебя разит потом, ты даже не мылся! Сначала иди приведи себя в порядок!

— Хей-хей, искупаемся потом, вместе! — Чжэн Вэнью на лету перехватил его за щиколотку и беззастенчиво чмокнул.

Дурак неотесанный! Тан Юй отчаянно забился: заявляться к нему в таком потном виде — это выше всяких сил, стерпеть подобное было невозможно!

После серии отчаянных кувырков и возни одежда Тан Юя давно сбилась и повисла неровными лохмотьями, наполовину соскользнув с плеча и обнажая белоснежную, гладкую, словно баранье сало, ключицу. Тягаться в силе с Чжэн Вэнью он, разумеется, не мог, а потому бросил сопротивляться. Тан Юй обвился руками вокруг шеи Чжэн Вэнью, уткнулся лицом ему в сгиб плеча и затих, выказывая молчаливое согласие.

Заметив капитуляцию, Чжэн Вэнью возликовал, однако движения его из дерзких и бурных внезапно стали предельно бережными — будто он обращался с хрупчайшим драгоценным сосудом.

— М-м... Потихе же, мерзавец... Ах, ха...

— Сяо Юй, мой Сяо Юй...

Тан Юй спрятал лицо в ямке плеча Чжэн Вэнью. Дурак, да мы в прошлой жизни точно задолжали друг другу что-то неопишное. Тьфу, помешался совсем: я ведь отродясь не верил в переселение душ, а теперь вот и сам предаюсь таким нелепым мыслям.

Пальцы Тан Юя оставляли на спине Чжэн Вэнью длинные, дурманящие багровые следы — чем быстрее становились движения, тем глубже были царапины.

Будь что будет, раз уж такова судьба — остается винить лишь нашу никудышную долю...

Тем временем на Заставе Букун Е Вэньтао встретил давнего знакомого.

— Сестрица Юнь Цуэй! — Е Вэньтао лихо соскочил с седла и приземлился рядом с девушкой. — Не ожидал, что ты тоже здесь.

— Знала бы, что ты приедешь, обязательно встретила бы заранее, — Юнь Цуэй окинула Е Вэньтао оценивающим взглядом и, подперев подбородок рукой, кивнула. — Неплохо, парень стал еще краше.

— Сестрица Юнь Цуэй тоже похорошела, увидишь тебя наш старший брат — слюнки рекой потекут!

Е Вэньтао подмигнул ей. Знала заранее? Разумеется, об этом мог проболтаться только Е Минлю! Юнь Цуэй давно привыкла к его подшучиваниям, протянула руку и легонько щелкнула парча по носу:

— Ишь ты, языком трепать мастер!

Сейчас Юнь Цуэй тоже состояла в Союзе Благородства. Помимо кадровых военных в гарнизоне хватало добровольных помощников из различных организаций, однако диспропорция между мужчинами и женщинами давала о себе знать. Хотя писаной красавицей Юнь Цуэй назвать было нельзя, привлекательной внешности ей было не занимать, а благодаря открытому и веселому нраву она легко сходилась с людьми, так что недостатка во внимании со стороны бравых вояк не испытывала.

Многие еще с утра заметили, как Юнь Цуэй околачивается у ворот заставы, и гадали: неужто ждет какого-то кавалера из Скрытого Меча?

Поглядите на него: денег куры не клюют, лицом вышел, да и мастерство владения мечом, небось, на высоте. Окружающие тут же приуныли, мысленно чувствуя себя ущербными на его фоне.

Ян Чэн обычно не держался надменно, со многими командирами на Заставе Букун он был на короткой ноге. Кто-то даже толкнул его локтем в бок:

— Эй, тот ученик Скрытого Меча, что с тобой прибыл, ухажер барышни Юнь Цуэй?

— Иди ты, чего удумал! Они же брат и сестра!

Голос Ян Чэна прозвучал довольно громко, так что все вокруг расслышали: уф, так они просто брат и сестра! Но тут же призадумались: с таким-то славным братцем планка у сестрицы задрана высоко, попробуй найди кого лучше, а в сравнении с ним любой помрет от зависти.

Лицо Тан Уяня наконец разгладилось. Едва добравшись до ворот, он заметил, как Е Вэньтао стремглав бросился к симпатичной девчонке, как они оживленно беседуют, смеются, а потом еще и позволили себе лишние вольности — Тан Уяня едва не перекосило. Впрочем, стоило Ян Чэну прояснить ситуацию, как мрачное выражение сменилось облегчением.

Раз уж за тем тянулась слава ветреника, неудивительно, что вокруг него вились не то что одна сестра, а целые стайки девиц. Судя по вкусам Е Вэньтао, это наверняка были не какие-то там простушки, а истинные красавицы, и эта девчонка выглядела вполне недурно. Вообразив себе толпу красоток, кружащихся вокруг него... Тан Уянь без всяких на то причин ощутил укол ревности и легкую тревогу.

Тревогу?!

Тан Уянь сам испугался этого словечка, внезапно всплывшего в голове. С какой стати мне тревожиться? В последнее время я веду себя всё страннее!

Он поднял обе руки и шлепнул себя по щекам: «Возьми себя в руки, Тан Уянь! На тебе задание, о чем ты только думаешь целыми днями?!»

Е Вэньтао вдруг перевел взгляд и заметил странные махинации Тан Уяня. Посчитав это забавным, он хитро блеснул глазами, и в нем проснулось озорство.

— Эй, сестрица Юнь Цуэй, у тебя украшение в волосах немного сбилось.

— М? Где это?

Е Вэньтао протянул руку и тронул шпильку, которая сидела совершенно ровно, а сам украдкой косился на Тан Уянь, с удовлетворением отмечая, что лицо того снова помрачнело. Он принялся легонько разминать Юнь Цуэй плечи, то и дело касаясь ее висков и шеи, пока от Тан Уяня, казалось, не повалил реальный черный дымок злости.

Даже если они сводные, уж слишком нежно они воркуют! Не родные же!

— Пфф-ф...

Е Вэньтао с трудом сдерживал смех. Юнь Цуэй передернула плечами, давая знак прекратить,

и, прекрасно зная его буйный нрав, с любопытством спросила:

— И что на этот раз затеял?

— Ха-ха, да ничего, ничего.

Е Вэньтао убрал руку и пошел за поводок коня. Тан Уянь тоже подвел своего скакуна, и когда Е Вэньтао равнялся с ним, тихо обронил:

— Ее зовут Юнь Цуэй. Хотя мы и не связаны кровными узами, я считаю ее настоящей старшей сестрой, и она наверняка не против, если ты тоже назовешь ее сестрицей.

— Не пристало проявлять излишнюю вольность с барышнями...

Считает настоящей старшей сестрой... Пусть Тан Уянь и не понимал, зачем Е Вэньтао понадобилось уточнять это специально, но из уст самого парня подобные слова прозвучали удивительно приятно.

Проходя мимо Юнь Цуэй, Тан Уянь, разумеется, не стал называть ее сестрой, но вежливо кивнул. Девушка улыбнулась: а парень-то на редкость послушный!

Е Вэньтао прищурился: ах, мыслишки Уяня читаются так легко! И с таким-то характером он заявился в одиночку странствовать по миру? Неужто в клане Тан совсем не боялись отпускать такого молодого господина в Цзянху?

Услышь кто-нибудь из клана Тан подобные мысли Е Вэньтао, его бы немедленно заклеили позором: да наш молодой господин умнее всех вместе взятых! С чего это вдруг он кажется тебе простофилей?!

На серебристых украшениях плеча Тан Уяня осела дорожная пыль, и Е Вэньтао небрежно смахнул ее привычным движением. Рядом ведя коней за поводья, они неторопливо направились вглубь заставы.

Юнь Цуэй провожала взглядом их удаляющиеся плечом к плечу спины, жест Е Вэньтао, безмолвное лицо Тан Уяня и, заметив краем глаза хитрый прищур Ян Чэна, потеряла подбородок: о-го-го, а тут всё куда интереснее, чем кажется...

Доставив оружие на Заставу Букун, Е Вэньтао выполнил свою задачу. Сам он не состоял в Союзе Благородства, поэтому собирался передохнуть на заставе пару дней и двигать дальше.

Замыслы Ана Лушаня были настолько очевидны для любого выходца из цзянху, что странно, как император умудрялся в них не верить. Когда же пощечина судьбы заставит его ощутить

боль и прозреть, империя уже погрузится в пучину смут.

Е Вэньтао и остальных разместили в гостевых комнатах. По соседству в основном обитали лекари без определенных должностей и те, кто ведал тыловым обеспечением, заглянувшие сюда на помощь.

К полудню Вэнь Шуи принес трехъярусный короб с едой: там были и мясные блюда, и овощи, и похлебка. Е Вэньтао принялся и одобрительно цокнул языком — кормили в Союзе Благородства на славу.

Словно угадав его мысли, Вэнь Шуи расставлял посуду на столе и попутно заметил:

— Не каждый день нас балуют таким изобилием, но ты же гость, перед тобой в грязь лицом ударить нельзя. Ян Чэн сейчас занят, давай пока пообедаем вдвоем.

— Полководцу и положено быть в мыслях о делах, боюсь, спокойных дней ему не видать еще долго.

Е Вэньтао подцепил палочками побеги бамбука: о, хрустят отменно!

— Каковы твои дальнейшие планы?

Е Вэньтао покачал головой:

— Ничего особенного. Сам знаешь, я человек праздный. Похожу, поглазею по сторонам, надоест бродить или кончатся деньги — вернусь на пару дней в усадьбу. А ты?

— Я человек Союза Благородства, так что пойду туда, куда прикажет Союз.

— Тц-ц, — Е Вэньтао подпер подбородок рукой. — Все вы такие занятые. Когда ты в последний раз заглядывал в Чистые Облака?

Вэнь Шуи замер на мгновение:

— Говорят, постижение Дао таится в человеческом сердце, а вовсе не в отказе от мирской суеты среди всех этих вещей...

— Прекрати, прекрати, — Е Вэньтао замахал руками, призывая остановиться. Стоило Вэнь Шуи завести пластинку о священных истинах, как это начинало напоминать заунывное чтение сутр, выдержать которое было выше человеческих сил!

Е Вэньтао скользнул взглядом по коридору, где неторопливо шествовал ученик Ваньхуа с котомкой лекарств наперевес, и пробормотал:

— Интересно, как там Хуа Цин поживает.

Рука Вэнь Шуи, державшая палочки, замерла:

— Помню, он собирался податься в Долину Злодеев, только неизвестно, шутил ли он тогда.

— С тех пор и весточки от него не было, поди пойми, где он теперь обретается.

Знакомство Вэнь Шуи и Хуа Цина произошло благодаря тому, что Е Вэньтао затащил Хуа Цина навестить Ян Чэна. Как раз в тот момент Вэнь Шуи угодил в драку и получил несколько серьезных ран, а Хуа Цин между делом взял да и подлечил его.

Изначально Е Вэньтао планировал познакомить Ян Чэна с Хуа Цином — в конце концов, Хуа Цин приходился ему старым приятелем, а со старыми друзьями всегда хочется укрепить узы. Он никак не ожидал, что Хуа Цин в грош не поставит Ян Чэна, зато отлично сойдетcя с Вэнь Шуи.

Ян Чэн тогда получил от ворот поворот, и Е Вэньтао вместе с ним пытался разобраться в причинах. По его мнению, толстокожий нрав и наглые замашки Ян Чэна должны были прийтись Хуа Цину по вкусу, да и явных поводов для обиды никто не подавал, так что холодность Хуа Цина казалась полнейшей загадкой.

Когда Е Вэньтао допытывался до причин, Хуа Цин лишь презрительно фыркнул в ответ.

Зато отношения Вэнь Шуи и Хуа Цина складывались на редкость удачно. Наблюдая за ними, Е Вэньтао слепило глаза: этот болтливый, с душком цинизма лекарь Ваньхуа мог часами мирно играть с Вэнь Шуи в шахматы, пить чай, писать тушью картины!

Стоило признать: когда Хуа Цин закрывал рот, его манеры и облик разительно отличались от привычных. Длинные черные распущенные волосы, изящные и элегантные одежды секты Ваньхуа делали его фигуру отрешенной от всего мирского. На фоне неизменно утонченного Вэнь Шуи они выглядели столь гармонично, что у такого смертного, как Е Вэньтао, создавалось ощущение, будто он снова куда-то провалился во времени и пространстве.

Ой-вей, откуда тут взялись эти небожители?! Обязательно ли демонстрировать столь утонченные манеры?

Постепенно Вэнь Шуи и Хуа Цин стали близкими друзьями.

Е Вэньтао как-то поинтересовался у Хуа Цина, что за странная магия кроется в их общении.

Хуа Цин лениво поправил черную прядь волос и окинул мир горделивым взглядом:

— Я сам по себе безупречен, зачем меня угораздило явиться в эту суетную пыль...

Е Вэньтао отвесил ему звонкий подзатыльник:

— Говори по-человечески!

Хуа Цин скривил губы:

— Да мне просто нравится эта атмосфера! Ощущение того, что я порхаю среди бессмертных, пока вы все барахтаетесь в грязи, чертовски приятно!

Всё, этот парень безнадежен. Безупречный нарцисс, не иначе, думал тогда Е Вэньтао.

Впрочем, было очевидно, что Хуа Цин и Вэнь Шуи признавали друг в друге родственные души. Настоящая дружба не измерялась временем — тут важна судьба: пара оброненных фраз — и сердца забились в унисон, значит, вы — родственные души.

Уму непостижимо, как холодный и отстраненный Вэнь Шуи сошелся с неугомонным Хуа Цином. Е Вэньтао не переставал удивляться причудам этого мира.

Е Вэньтао помешал ложкой рис в пиале — зерна оказались далеко не круглыми и пухлыми:

— Но мне почему-то кажется, что он говорил вполне серьезно.

Вэнь Шуи промолчал. Хуа Цин действительно обожал отпускать дурацкие шуточки, но в серьезных делах никогда не позволял себе легкомыслия. Его упрямству можно было только позавидовать — сдвинуть с места не смогли бы и девять быков.

Изначально Хуа Цин преспокойно странствовал повсюду, исцеляя больных, попутно любуясь пейзажами и наслаждаясь свободой, как вдруг в один прекрасный день прислал нескольким друзьям крылатое письмо с известием, что направляется в Долину Злодеев. После этого связь с ним оборвалась окончательно.

Новость грянула так внезапно, что никто даже не успел выпросить, какая муха его укусила, раз он решил податься в злодеи. При этом следы свои он замел на совесть.

— Если он вдруг станет злодеем, ты поднимешь на него меч?

Неожиданный вопрос Е Вэньтао застал Вэнь Шуи врасплох — тот даже не стал задумываться и машинально покачал головой.

— О? — Е Вэньтао аж заинтересовался. — Почему?

— Он — лекарь. Даже если он действительно перейдет на ту сторону, пока на его руках нет крови невинных, у меня не будет повода обнажать против него оружие. К тому же... — на вечно ледяном лице Вэнь Шуи промелькнула едва заметная улыбка. — Я верю, что он не совершит зла, и по-прежнему верю всему, что он говорил.

Оба переглянулись и улыбнулись — вот она, настоящая мужская дружба.

Тан Уянь, до сих пор молча ковырявшийся в тарелках и миске с рисом, наконец оторвал взгляд от еды и бросил на Вэнь Шуи долгий, многозначительный взгляд.

Как раз когда Е Вэньтао решил, что Тан Уянь выдаст какое-нибудь глубокомысленное изречение, тот невозмутимо проглотил очередной кусок, окинул взглядом Е Вэньтао и хладнокровно отчеканил чистым, звонким голосом:

— Еда остынет.

— ...

— ...

Закончив фразу, он продолжил трапезу и под ошарашенными взглядами двоих спутников с невозмутимым видом отправил в рот последнюю ложку риса, аккуратно отложил палочки:

— Я наелся.

...

Разве он не застенчив донельзя? Как под перекрестным огнем двух удивленных взглядов можно оставаться столь невозмутимым? Да еще и уплетать за обе щеки с таким аппетитом... И всё подчистую.

— Ха-ха, ну ты и... — Е Вэньтао схватился за голову, не зная, смеяться или плакать. Только что возникшая возвышенная атмосфера тоски по давним друзьям улетучилась в мгновение ока, но ощущения тяжести не осталось — скорее, повеяло легким ветерком, щекочущим душу.

— Кстати, Уянь, ты ведь после этого собираешься обратно в крепость клана Тан?

Тан Уянь ополоснул рот чаем и кивнул:

— Как только задание будет выполнено, вернусь с докладом в крепость.

И то верно, любые пиры рано или поздно подходят к концу.

— Еще увидимся.

Тан Уянь ничего не ответил. Чай отдал горчинкой, и на душе от этой горечи тоже сделалось муторно. После расставания неизвестно, когда удастся свидеться вновь: в таких просторах Поднебесной разве доводилось ему за годы странствий случайно встретить этого парня?

Разве постижима причудливая логика судеб?

Пусть Е Вэньтао тоже испытывал легкую грусть, буря в его сердце бушевала далеко не так яростно, как у Тан Уяня — по крайней мере, внешне.

— А Ян Чэн уже поел? — Е Вэньтао тоже закончил трапезу. — Может, навестим его?

Вэнь Шуи покачал головой:

— Едва ли стоит тревожить его без нужды.

Е Вэньтао прищурился и потер подбородок:

— Знаешь, Шуи, меня ведь давно не покидает мысль... Ян Чэн нарочно избегает меня, причем делает это так, чтобы я не совался в служебные дела?

Вэнь Шуи посмотрел на него без тени удивления — его лицо оставалось спокойным.

Не опровергая, но и не подтверждая слова вслух, Е Вэньтао понял, что угадал. Вэнь Шуи не умел лгать, а когда говорить о чем-то было неловко, предпочитал отмалчиваться, что со стороны выглядело как молчаливое согласие.

— Порою я сам поражаюсь своей интуиции.

Вэнь Шуи не нашелся, что ответить:

— Я тоже смутно догадывался об этом, хоть и не знаю причин.

— М-м, — кивнул Е Вэньтао. — Если уж он решил что-то утаить, раскусить его не так-то просто. В конце концов, он настоящий, опытный полководец.

Вэнь Шуи шумно вздохнул, и в его голосе прозвучали неизъяснимые нотки:

— И тем не менее, ты всегда видишь его насквозь.

Е Вэньтао горько усмехнулся: далеко не всегда...

— Господин полководец, срочное донесение!

В главный шатер стремглав влетел запыхавшийся гонец.

Ян Чэн взмахнул рукой:

— Говори.

— Наш отряд сопровождения продовольствия подвергся нападению в пути, большая часть обоза разграблена. Нападавшие были одеты в форму воинов Наньчжао.

— Наньчжао?

<http://bllate.org/book/21111/2142510>